

РОМИ ХАУСМАНН

МИЛОЕ
ДИТЯ

INSPIRIA

Москва

2021

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
Х26

Romy Hausmann

LIEBES KIND

© 2019 dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG,
Munich/Germany

Дизайн переплета: © Stephanie Weischer

Хаусманн, Роми.

Х26 Милое дитя / Роми Хаусманн ; [перевод с немецкого Р. Н. Прокурова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Германия).

ISBN 978-5-04-123229-0

Лена Бек пропала четырнадцать невыносимых лет назад.

Все это время отец отчаянно искал ее, надеясь на чудо. И вот, кажется, оно произошло. Лена была похищена, но теперь смогла сбежать — и во время бегства попала под машину. Всего в двух с половиной часах езды от дома. Так предполагает полиция, хотя уверенности нет.

Но есть надежда. Родители сейчас же едут в больницу. И, к огромному своему разочарованию, понимают, что лежащая без сознания пострадавшая вовсе не их дочь. Совсем незнакомая женщина. Однако вместе с ней нашли тринадцатилетнюю девочку по имени Ханна, которая утверждает, что это ее мать по имени Лена, что их семья обитает в лесной хижине, отрезанной от мира, а «мама хотела по неосмотрительности убить папу»...

Ханна — вылитая Лена в детстве. Прямо-таки клон. Что все это значит?

Девочка — ключ к разгадке...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р. Н.,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-123229-0

ООО «Издательство Эксмо», 2021

Катерине — само собой

*Нет ничего печальнее
крушения иллюзии.*

Артур Кёстлер¹

¹ Артур Кёстлер (1905–1983) — знаменитый британский писатель и журналист венгерско-еврейского происхождения.

Студентка 23 лет пропала в Мюнхене

Мюнхен — Полиция запрашивает любые сведения о возможном местопребывании Лены Бек (23 года) из округа Хайдхаузен. В последний раз девушку видели на вечеринке, в ночь со среды на четверг, с которой она ушла приблизительно в пять часов утра. По пути домой она связывалась по телефо-

ну с подругой, и с того момента ее телефон выключен. Организованные в пятницу поисковые мероприятия не дали результатов. Лена Бек ростом 1,65 м, стройного телосложения, со светлыми волосами до плеч. Была одета в серебристую блузку, черные джинсы, черные ботинки и темно-синее пальто.

В первый же день я утратила чувство времени, рассталась с достоинством и потеряла коренной зуб. Зато теперь у меня есть двое детей и кошка. Имена детей я забыла, а вот кошку зовут Фройляйн Тинки. Еще у меня есть муж. Крупный, с короткими темными волосами и серыми глазами. Я разглядываю его краем глаза, сидя вплотную к нему на потертом диване. Под тяжестью его руки пульсируют многочисленные ушибы, словно в каждом из них бьется свое отдельное сердце. Лоб горит в месте пореза. Время от времени перед глазами темнеет или вспыхивают белые пятна. В такие моменты я пытаюсь хотя бы дышать.

Сложно сказать, действительно ли сейчас вечер или это он так решил. Окна заделаны изоляционными плитами. Он правит сменой дня и ночи. Как господь. Я пытаюсь убедить себя, что худшее осталось позади, но меня гложет мысль, что скоро мы вместе отправимся в постель.

РОМИ ХАУСМАНН

Дети уже надели пижамы. Мальчику ночная рубашка уже немного мала, у девочки рукава еще прикрывают кисти. Ребята сидят на полу в нескольких шагах от дивана и греют руки в остатках жара от печки. Огонь догорел, и горстку черных углей лишь изредка пронизывают багряные нити. Детские голоса звучат так звонко и беззаботно на фоне происходящего абсурда... О чем они там болтают, не разобрать. Я слышу их точно сквозь вату, раздумывая над тем, как убить их отца.

В ночь происшествия

Ханна

Поначалу все довольно просто. Я выпрямляю спину и делаю глубокий вдох. Забираюсь в машину «Скорой помощи», еду вместе с ними. Называю людям в оранжевых куртках имя мамы и сообщаю, что у нее четвертая группа крови, отрицательная. Четвертая отрицательная — самая редкая группа крови и отличается тем, что не содержит антител к крови второй и третьей групп. Это значит, что маме можно вливать кровь любой другой группы. Я знаю это, потому что мне уже рассказывали про группы крови на занятиях. А еще так написано в толстой книге. Пожалуй, я все сделала правильно. Только когда я по неосторожности вспоминаю брата, у меня начинает трястись коленка, правая. Уж наверняка Йонатан перепугается без меня.

Соберись, Ханна. Ты ведь уже большая девочка.

Нет, сегодня я маленькая и глупая. Мне холодно, а еще здесь слишком светло, и что-то пищит. Я спрашиваю, откуда этот писк, и один из людей в оранжевой куртке отвечает:

— Это сердце твоей мамы.

Оно еще никогда так не пищало, сердце моей мамы.

Соберись, Ханна.

Машину трясет, и я закрываю глаза. Мамино сердце пищит.

Она тогда закричала, а потом был удар. Если мамино сердце перестанет пищать, это будет последнее, что я ус-

РОМИ ХАУСМАНН

лышала от нее, — крик и удар. И она даже не пожелает мне доброй ночи.

Машина клюет носом и замирает.

— Приехали, — говорит мужчина. Он имеет в виду, приехали в больницу.

Больница — это такое здание, где оказывают медицинскую помощь больным или пострадавшим.

Мужчина говорит мне:

— Ну, давай скорее.

Ноги идут как будто сами собой, и так быстро, что я не успеваю даже считать шаги. Санитары толкают грохочущие носилки через стеклянные двери, над которыми ярко подсвеченная надпись гласит: «Реанимация» — и дальше, по длинному коридору. Я поспеваю за ними. Как по команде со всех сторон сбегаются помощники, наперебой звучат возбужденные голоса. В конце длинного коридора мы подходим к еще одной двери.

— Дальше тебе нельзя, — сообщает тучный мужчина в зеленом халате и отпихивает меня в сторону. — Мы пришлем кого-нибудь, чтобы за тобой присмотрели. — Указывает пальцем на ряд стульев вдоль стены. — Посиди пока там.

Я пытаюсь сказать что-нибудь, но слова не идут на ум, да и мужчина уже развернулся, чтобы следом за остальными скрыться за дверью. Я пересчитываю стулья у стены — семь. Он не сказал, на какой из стульев следует сесть, этот толстый санитар в зеленом халате. Сама того не сознавая, я начинаю обгрызать ноготь на большом пальце. *Соберись, Ханна. Ты ведь уже большая девочка.*

Я сижу, подтянув колени, на среднем стуле и подбираю с подола хвоинки и чешуйки сосновой коры. Этим вечером я здорово перепачкалась. Снова вспоминаю про Йонатана. Несчастливого, маленького Йонатана, который остался дома и вынужден наводить порядок. Я представляю, как он плачет, потому что не знает, как отчистить пятна с ковра. Могу поспорить, что в кладовой у нас есть нужное средство, только папа запер дверь на два замка.

Мера предосторожности — у нас их в избытке. Во всем нужно соблюдать осторожность.

— Привет! — женский голос.

Вскакиваю со стула.

— Я сестра Рут. — Женщина улыбается и берет меня за руку, чтобы ее пожать.

Отвечаю, что меня зовут Ханна, и для верности повторяю имя по буквам. Сестра Рут все еще улыбается.

— Понятно.

Сестра Рут старше мамы, у нее уже седина в волосах, и она толстовата. Поверх ярко-желтого халата на ней вязаная кофта, довольно теплая на вид, и к отвороту приколот значок с мордочкой панды. *Be happy*, — написано на значке. Это значит «Будь счастлив» по-английски. У меня вздрагивают уголки губ.

— Милая, да на тебе и ботинок-то нет, — замечает сестра Рут, и я шевелю большим пальцем сквозь дырку в колготках.

Как-то, в один из хороших своих дней, мама уже штопала это место. Она бы, конечно, отругала меня, если бы узнала, что я снова порвала колготки.

Сестра Рут достает платок из кармана, потому как думает, что я плачу. Из-за порванных колготок или из-за мамы. Я не говорю ей, что на самом деле меня слепят яркие лампы, а отвечаю:

— Спасибо, вы очень внимательны.

Всегда нужно быть вежливым, говорить «пожалуйста» и «спасибо». Мы с Йонатаном всегда говорим «спасибо», когда мама дает нам батончики, хоть терпеть их не можем. Они совсем невкусные. Но нам нужны витамины, это важно. Кальций, калий, магний и витамины группы В для обмена веществ и кроветворения. Каждый день мы съедаем по три штуки, если только запасы не заканчиваются. Тогда мы надеемся, что папа скоро вернется домой и по пути закупит новых припасов.

Я беру платок, промокаю глаза и как следует сморкаюсь, после чего возвращаю сестре Рут. Нельзя оставлять себе чужие вещи. Это называется кражей. Сестра Рут сме-

РОМИ ХАУСМАНН

ется и прячет платок обратно в карман. Конечно, я спрашиваю насчет мамы, но сестра Рут отвечает только:

— Она в надежных руках.

Я понимаю, что это не ответ. Все-таки не дурочка.

— Когда мне можно будет к ней? — спрашиваю я, но и на этот вопрос не получаю ответа.

Вместо этого сестра Рут говорит, что отведет меня в комнату отдыха и подыщет мне какие-нибудь шлепанцы. Шлепанцы — это что-то вроде домашней обуви. Мы с Йонатаном тоже должны носить обувь, потому что полы в доме холодные, но обычно забываем об этом и постоянно пачкаем носки. Мама, конечно, потом ругается, потому что еще не день стирки, и папа недоволен, потому что мама не отмыла пол как следует. Чистота важна.

Комната отдыха довольно большая, не меньше пятидесяти шажков от двери до противоположной стены. Посередине стоят три стола, и у каждого по четыре стула. Трижды четыре получается двенадцать. Один стул стоит криво. Наверное, кто-то сидел на нем, а потом, когда уходил, позабыл задвинуть. Надо надеяться, ему это не сошло с рук. Порядок тоже важен. Слева у стены стоит металлический шкаф со множеством отделений. Каждое отделение запирается на ключ, но при этом почти все ключи оставлены в замках. Там же стоит двухъярусная кровать, тоже металлическая. Напротив двери два окна, и в них видна ночь. Темная и беззвездная. Справа располагается кухонный уголок. Прямо на рабочем столе стоит чайник. А ведь горячая вода может быть очень опасной. При температуре выше сорока пяти градусов обжигает кожу. При шестидесяти градусах сворачивается белок в клетках кожи, и они отмирают. В чайнике вода нагревается до ста градусов. У нас дома тоже есть чайник, но мы его запираем в шкафу.

— Присаживайся, — говорит сестра Рут.

Трижды четыре получается двенадцать. Двенадцать стульев, мне необходимо подумать... Беззвездная чернота за окнами отвлекает меня.

Сосредоточься, Ханна.

Сестра Рут подходит к шкафу и одну за другой начинает открывать металлические дверцы. Несколько раз протягивает *хмм...* и снова лязгает дверцами. Оглядывается на меня через плечо и повторяет:

— Да ты садись, милая, чего стоять.

Сначала я подумываю выбрать тот стул, который и так стоит криво. Но это было бы неправильно. Каждый должен сам убирать за собой. Брать на себя ответственность. *Ты ведь уже большая, Ханна.* Я киваю в пустоту и считаю про себя. *Раз, два, три, четыре...* Выпадает стул, с которого мне хорошо видна дверь и который я, конечно же, как следует задвину, когда сестра Рут скажет, что время сидения прошло.

— Ну вот. — Она поворачивается ко мне с парой розовых шлепанцев в руках и улыбается. — Великоваты, наверное, но все лучше, чем ничего.

Кладет шлепанцы мне под ноги и ждет, пока я не влезу в них.

— Послушай, Ханна, — говорит она затем, стягивая с себя кофту. — У твоей мамы не было при себе сумки. Поэтому мы не нашли ее удостоверения и других документов. — Берет меня за руку и неуклюже продевает в рукав своей кофты. — Так что у нас нет ни имени, ни адреса, к сожалению. Как и номера на случай чрезвычайной ситуации.

— Ее имя Лена, — подсказываю я, как прежде в машине «Скорой помощи». Всегда нужно помогать другим. Мы с братом постоянно помогаем маме, когда у нее трясутся руки. Или когда она что-то забывает. Например, наши имена или время посещения туалета. Тогда мы сопровождаем ее до уборной, чтобы она не упала с сиденья или не натворила каких-нибудь глупостей.

Сестра Рут между тем принимается за второй рукав. Кофта еще теплая после нее и приятно греет спину.

— Да, — говорит сестра Рут. — Лена, замечательно. Лена без фамилии. Врач «Скорой» так и записал.

Она вздыхает, и я чувствую ее дыхание. От нее пахнет зубной пастой. Затем сестра Рут отодвигает мой стул,